

Иванова Светлана Федоровна

г. Могилев, Республика Беларусь

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Знание основ теории речевой деятельности, базовых положений психолингвистической концепции языка, основных моделей речепроизводства и речевосприятия, закономерностей и особенностей речевой деятельности на родном и неродном языке являются необходимым компонентом общелингвистической компетенции преподавателя иностранного языка. Решение многих методических задач обучения иностранному языку, и в том числе обучения русскому как иностранному, активизация различных видов речевой деятельности на неродном языке может осуществляться только на основе фундаментальных знаний о психофизиологии речевой деятельности, психологических механизмах речи, особенностях функционирования единиц языка в процессах речепроизводства и речевосприятия. Психолингвистика представляет собой ту область знания, которая стимулирует к поиску творческих решений в рутинном процессе обучения языку.

Путь к освоению содержания психолингвистики может быть различным: как через ознакомление с теоретическими положениями и принципами, различными моделями, так и через усвоение некоторых из них на определенном языковом/речевом материале.

Так, например, развитие представлений о фазной структуре речевой деятельности, может строиться не только на изучении самой модели фазного строения речевой деятельности, предложенной И.А. Зимней [1], но и путем определения и анализа побудительно-мотивационной, ориентировочно-исследовательской и исполнительной фаз, моделируемых в конкретных речевых ситуациях, диалогах.

Возьмем, например, одну из речевых ситуаций в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», модель диалога Николая Николаевича Веденяпина и толстовца Нила Феоктистовича Выволочного. Здесь реплики собеседников включены в системно организованный диалог, иллюстрирующий речевую деятельность. Внимательный читатель, безусловно, выделит все основные структурные компоненты речевой деятельности: и мотив, и коммуникативные намерения, и ориентировку, и единицы речевых действий, и оценку результатов деятельности.

В комнату вошел толстый мужчина в серой рубашке, подпоясанный широким ремнем. Он был в валенках, штаны пузырились у него на коленках. Он производил впечатление добряка, витающего в облаках. На носу у него злобно подпрыгивало маленькое пенсне на широкой черной ленте.

Разоблачаясь в прихожей, он не довел дело до конца. Он не снял шарфа, конец которого волочился у него по полу, и в руках у него осталась его круглая войлочная шляпа. Эти предметы стесняли его в движениях и не только мешали Выволочному пожать руку Николаю Николаевичу, но даже выговорить слова приветствия, здороваясь с ним.

– Э-мм, — растерянно мычал он, осматриваясь по углам.

– Кладите где хотите, — сказал Николай Николаевич, вернув Выволочному дар речи и самообладание.

Это был один из тех последователей Льва Николаевича Толстого, в головах которых мысли гения, никогда не знавшего покоя, улеглись вкушать долгий и неомраченный отдых и непоправимо мельчали.

Выволочнов пришел просить Николая Николаевича выступить в какой-то школе в пользу политических ссыльных.

— Я уже раз читал там.

— В пользу политических?

— Да.

— Придется еще раз.

Николай Николаевич поупрямился и согласился.

Предмет посещения был исчерпан. Николай Николаевич не удерживал Нила Феоктистовича. Он мог подняться и уйти. Но Выволочнову казалось неприличным уйти так скоро. На прощанье надо было сказать что-нибудь живое, непринужденное. Завязался разговор, натянутый и неприятный.

— Декадентствуете? Вдались в мистику?

— То есть это почему же?

— Пропал человек. Земство помните?

— А как же. Вместе по выборам работали.

— За сельские школы ратовали и учительские семинарии. Помните?

— Как же. Жаркие были бои. Вы потом, кажется, по народному здравию подвизались и общественному призрению. Не правда ли?

— Некоторое время.

— Нда. А теперь эти фавны и неньюфары, эфебы и «будем как солнце». Хоть убейте, не поверю. Чтобы умный человек с чувством юмора и таким знанием народа... Оставьте, пожалуйста... Или, может быть, я вторгаюсь... Что-нибудь сокровенное?

— Зачем бросать наудачу слова, не думая? О чем мы препираемся? Вы не знаете моих мыслей.

— России нужны школы и больницы, а не фавны и неньюфары.

— Никто не спорит.

— Мужик раздет и пухнет от голода...

Такими скачками подвигался разговор. Сознвая наперед никчемность этих попыток, Николай Николаевич стал объяснять, что его сближает с некоторыми писателями из символистов, а потом перешел к Толстому.

— До какой-то границы я с вами. Но Лев Николаевич говорит, что чем больше человек отдается красоте, тем больше отдаляется от добра.

— А вы думаете, что наоборот? Мир спасет красота, мистерии и тому подобное, Розанов и Достоевский?

— Погодите, я сам скажу, что я думаю. Я думаю, что если бы дремлющего в человеке зверя можно было остановить угрозой, все равно, каталажки или загробного воздаяния, высшею эмблемой человечества был бы цирковой укротитель с хлыстом, а не жертвующий собою проповедник. Но в том-то и дело, что человека столетиями поднимала над животным и уносила ввысь не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины, притягательность ее примера. До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна.

— Ничего не понял. Вы бы об этом книгу написали.

Когда ушел Выволочнов Николаем Николаевичем овладело страшное раздражение. Он был зол на себя за то, что выболтал чурбану Выволочному часть своих заветных мыслей, не произведя на него ни малейшего впечатления. Как это иногда бывает, досада Николая Николаевича вдруг изменила направление. Он совершенно забыл о Выволочнове, словно его никогда не бывало. Ему припомнился другой случай. Он не вел дневников, но раз или два в году записывал в толстую общую тетрадь наиболее поразившие его мысли. Он вынул тетрадь и стал набрасывать крупным разборчивым почерком. Вот что он записал.

«Весь день вне себя из-за этой дуры Шлезингер. Приходит утром, засиживается до обеда и битых два часа томит чтением этой галиматьи.

Стихотворный текст символиста А. для космогонической симфонии композитора Б. с духами планет, голосами четырех стихий и прочая и прочая. Я терпел, терпел и не выдержал, взмолился, что, мол, не могу, увольте.

Я вдруг все понял. Я понял, отчего это всегда так убийственно нестерпимо и фальшиво даже в Фаусте. Это деланный, ложный интерес. Таких запросов нет у современного человека. Когда его одолевают загадки вселенной, он углубляется в физику, а не в гекзаметры Гезиода. <...>Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Анализ этапов или фаз речевой деятельности в таком случае не выглядит абстракцией, поскольку связан с конкретным языковым материалом, насыщен определенными языковыми средствами (лексикой и фразеологией русского языка, грамматическими формами и конструкциями).

Обучающимся может быть предложено выполнение заданий, предусматривающих изучение отдельных положений психолингвистической концепции, работу с конкретной моделью фазной структуры речевой деятельности и анализ некоторого варианта реализации данной модели:

- 1) выделите конкретные фазы в речевой деятельности для каждого из участника общения, обозначьте их условные границы в тексте;
- 2) определите мотивы и коммуникативные намерения участников;
- 3) определите предмет речи и этап коммуникации, на котором происходит его окончательное выделение;
- 4) определите, как каждый из участников исследует условия общения и оценивает их;
- 5) кратко опишите внешние речевые действия каждого участника, назвав основные способы речевого поведения и используемые языковые средства;
- 6) определите, какие действия участников коммуникации являются отражением процессов контроля и регуляции речевой деятельности.

Выполнение таких заданий способствуют как углубленному и осмысленному восприятию теоретических описаний речевой деятельности, так

и системному, осмысленному взгляду на языковые средства, используемые в конкретной речевой ситуации.

Таким образом, анализ понятий современной науки о речевой деятельности, представлений об этапах и механизмах формирования речи, закономерностях овладения отдельными языковыми средствами будет способствовать не только усвоению теории, но и решению конкретных задач, связанных с обучением определенному языку.